

ГУРУ И ТАПОЧКИ

«Каждый путь — это всего лишь путь, и ни в тебе, ни в других нет ничего, что препятствовало бы тебе покинуть его, если таково веление твоего сердца... Смотри на всякий путь пристально и внимательно. Испытывай его столько раз, сколько тебе представляется необходимым. Затем задай себе, и только себе, один вопрос... Обладает ли этот путь сердцем? Если да, этот путь хорош; если нет, он бесполезен».

Карлос Кастанеда

— *Carlos Castaneda, The Teachings of Don Juan*

«Весь в белом, гордый, как Пегас,
Идёте чинно по дорожке,
Но тень, что падает от Вас,
Имеет маленькие рожки».

Стихотворение.

Город X. воскресенье.

Итак, я полностью переехала в X. к гуру.
Рассчиталась и освободила квартиру, которую до сих пор снимала в Пуне.
Точка.
Даже Новый год и Рождество встречала здесь, в городе X.

Боже, чего только не произошло! Жива! Хо-хо!
Прошлый год был годом Петуха.
Может, это всё объясняет. Он меня почти полностью склевал, этот Петя-Петя — Петушок.
Боже мой, чем был для меня этот «петушиный годик». Но я встретила гуру.
Всё, для чего я приехала в Индию, — найти Мастера.
Неужели, действительно, нашла?
Сейчас гуру нет в Х. Он кашлял, и докторша увезла его в места с чистым воздухом.
Здесь, в этой местности, всегда пыльно, густой смог, и мы все здесь страдаем от этого.
За пару дней до отъезда гуру я пришла к нему в дом.
Там, как обычно, сидело много народу. Пришли сказать goodbye перед его отъездом.
Все, как правило, сидят на полу, на разложенных плоских подушках.
Места для меня не осталось, и меня посадили прямо возле его ног, рядом.
Я могла облокотиться о стенку.
Он со мной разговаривал. Что-то спросил о моём паспорте, о визе.
Но у меня было чувство, что это, своего рода, «ритуал». Он уже сто раз спрашивал о визе и о паспорте. Может, он хотел услышать мой голос?
Гуру не реагировал на мои ответы — о том, что паспорт мне удалось продлить на год, а визу на пять месяцев. Сидел, не двигаясь, смотрел в газету или в стол? И слушал мой голос.
А голос у меня был на удивление глубокий. Я и сама не ожидала.
Почувствовала, как вся моя энергия превратилась в горячий пар, который устремился вверх и, как мне казалось, вытянул меня в ниточку.
Я закрыла глаза.
Чувствовала, как эта энергия горячей волной прошла через горло и устремилась в голову. В можжечке закололо, но приятно.
Голова стала пьяной.
Странно, я всегда думала, что голова в таких случаях должна проясняться, а не опьяняться.

Было ощущение, будто от меня исходит сияние.
Все присутствующие подходили, кланялись гуру, некоторые целовали ему ноги.
А я всё сидела с закрытыми глазами и «плавилась».
И мне чудилось, что я сижу рядом со своей судьбой, рядом с Мастером, который восполнит мне уход моего любимого Ошо.
Чудилось мне, что я нашла то, что искала.
Приоткрыв глаза, я заметила, что он несколько раз взглянул на меня.
Это было, когда японка, вся изнывая от счастья, села на пол перед ним.
Она взглянула на меня, и наши глаза встретились. Я почувствовала всё её существо. В этот миг она мне была роднее родной, я её любила.

И тогда гуру опять на меня внимательно посмотрел, без выражения на лице.

Затем скульптор — американец по фамилии , кажется Розенбаум, который сделал портрет нашего гуру, — принёс свою работу и поставил её на стол. Гуру сказал и показал пальцем на меня:

«Пусть она скажет своё мнение. Она очень хороший художник. Она знает. Скажи об этом портрете».

Гуру мотнул головой в мою сторону.

В словах: «она очень хороший художник» — я ощутила что-то неприятное. Очень лёгкое облачко чего-то, не вписывающегося в атмосферу необусловленной любви.

Но обвинила я в этом «облачке» себя.

«Гуру непогрешим, он указывает нам наши слабые места, на наше эго», — как заклинание пронеслось у меня в голове.

Здесь это была мантра каждого из нас.

Портрет, голова-гуру, был выполнен из глины.

Позднее эту голову отлили из бронзы.

Размером она была со средний арбуз.

Хоть художник-американец где-то обучался и был очень уверен в себе, работа была на уровне дилетантской.

В моём художественном институте он с такой работой не сдал бы экзамен. Хоть черты глиняной головы и смахивали на портретируемого, но вся голова была сделана как из ваты, «пожёванная» форма, не имеющая под собой конструкции, черепа, чёткости и, если честно, то и не очень похожая на модель.

Саша, мой первый муж, — профессиональный скульптор. Очень талантливый.

Короче, в скульптуре я разбираюсь...

Но, взглянув на гуру, я видела, что он доволен портретом.

И польщён самим фактом, что была изваяна его голова.

Сам скульптор и его девушка сидели в ногах у гуру и, как мне показалось, их любовь к своему учителю была высочайшей пробы.

«Какая разница — профессиональная работа или нет! Главное, что она сделана с любовью», — подумала я.

«Здесь же не международная выставка, а сатсанги!»

И я сказала вслух, что мне нравится эта работа.

Кажется, от меня ожидали каких-то ещё комментариев.

Повисла пауза.

Не зная, что ещё добавить, я стала импровизировать что-то о том, что «художнику удалось схватить характер модели...»

Чувствовала себя при этом гадко.

Этот эпизод в одно мгновение съел моё сияние.
Гуру меня на полуслове перебил и начал говорить о чём-то другом.
Я расшифровала это как: «Заткни фонтан».
Стало легче от того, что меня больше не принуждают комментировать то, что с восхищением комментировать трудно, а без восхищения — невежливо.
Но внутри осталась какая-то гадость и уже не проходила.

Неожиданно гуру сказал скульптору, тыча в меня пальцем:
«Это она нарисовала тот мой портрет. Это она. Я отправил его одному моему индийскому другу».
Скульптор повернулся ко мне и стал говорить что-то приятное о моём рисунке.
Я ещё раз похвалила его скульптуру.
Обмен комплиментами продолжался, хоть уже всё было сказано.
Потом мне показалось нелепым, что мы сидим здесь, где принято медитировать, и друг друга нахваливаем.
Хотелось опять закрыть глаза и посидеть в тишине.
Чтобы поставить точку, я шутливо сказала:
«Мы с тобой — great!»

Сказала безо всякой задней мысли, ожидая, что он рассмеётся или хотя бы улыбнётся.
Не знаю, что ему послышалось, но в ответ он очень серьёзно, внимательно и даже испуганно посмотрел мне в глаза.
Внутренне я возопила:
«Боже, я пошутила! Нельзя же принимать себя настолько всерьёз!»
Но я уже так привыкла, что меня неправильно понимают, что обречённо приняла это как должное.

Терять уже было нечего — сияние ушло, всепоглощающая любовь испарилась, лёгкость и чистота были запятнаны.
Гуру, похоже, решил побить меня «дзэнской палкой».
Просветление не состоялось.
Взгляд скульптора меня отпустил.

Наконец, все стали расходиться. И я собралась уйти.
Но женщина-доктор, которая жила в доме гуру, пригласила меня остаться на ужин.
Так захотел он — гуру.
Мы что-то ели из индийских блюд, не помню что. Я смотрела на гуру.
Я не совсем понимала, почему я должна была остаться и что я должна здесь делать.

Потом гуру вышел и скоро вернулся.

Ему принесли небольшой металлический кувшинчик.
Он стал что-то жевать и смотреть телевизор.
Все остальные молча сидели на полу.
Я рассматривала его профиль.
Что-то в лице изменилось.
Ах, он, видимо, снял свои зубы и теперь жевал беззубым ртом что-то красного цвета — то, что все индусы жуют, — и выплёвывал красную струйку, похожую на кровь, в кувшинчик.
Я подавила в себе лёгкую тошноту от этого зрелища.
Ощутила лёгкий укус чувства вины, что, как остальные дисайплы, не умиляюсь подобным подробностям «быта святого».
«И всё-таки он — мастер», — сказала я себе.
Всё это было довольно сильным опытом и даже испытанием, экзаменом для меня.
Он больше не был грозным гуру, а трогательным старичком в шапочке.
«Я должна всегда помнить, что он — мастер», — внушала я себе.

Для меня было очень впечатляюще увидеть его таким.
Что-то внутри у меня ещё раз сдвинулось.
Трудно сказать куда, в каком направлении.
Когда мы все подходили к нему прощаться, он ткнул пальцем в мои распушенные волосы, часть которых была заплетена в тоненькие косички, и спросил, могу ли я сделать такие же для Умы?
При этом пристально глянул мне в глаза.
Похоже, он сегодня пытается отыскать во мне что-то такое, чем я не хочу делиться с другими: «славой» художника, косичками...
То есть отыскивает моё «замаскированное эго», моё «больное место».
«О, мастер», — подумала я, — «к сожалению, моё эго прячется не там».

Я ответила, что заплету Уме такие же.
Спросила его:
«Тебе нравятся мои косички?»
Он ответил:
«Да».

новенькие, купленные два дня назад, удобные туфельки, а взамен оставил ношенные и слегка меньшего размера тапочки.

Я не могла поверить!

В доме просветлённого гуру, куда не заглядывают посторонние люди, где ничего подобного никогда не случилось! (Так мне сообщил обслуживающий гуру персонал.)
А главное — на покупку другой пары туфель у меня сейчас денег нет.
Я была расстроена.

Мне посоветовали прийти на следующий день:

«Может быть, тот, кто по ошибке надел твои туфли, хватится и принесёт их обратно».

Блеск!

Это до какой же степени нужно «замедитироваться», чтобы так ошибиться! Если учесть, что мои туфельки были чёрного цвета, а оставленные мне взамен ношенные тапочки были из жёлто-кремовой ткани с красными и синими узорами, вряд ли «кто-то в попыхах» мог так перепутать. Я была раздражена.

Может быть, это какое-то знамение? Знак?

Может, Сущее пытается мне что-то «сказать» таким образом?

На следующий день, в воскресенье, я гадала на Таро.

Болела голова, и было чувство, что что-то нехорошее со мной произошло.

Но я не могла понять, увидеть, что именно.

Потому и гадала.

Гадальщик из меня — так себе.

Среди нас была одна женщина, которая хорошо гадала на таро-картах.

По воскресеньям сатсангов не было, а в Сатсанг Хаузе на плоской крыше происходили базары.

гаданием.

Но её там не оказалось.

И я, без особых надежд, решила заглянуть в дом гуру, чтобы справиться о судьбе моих пропавших туфель.

Желания идти туда не было.

Я считала, что вчера уже попрощалась с ним. (Он уезжал через пару дней.)

И меня интересовала только моя пропажа.

Внутри меня происходило что-то странное.

Какая-то незнакомая опустошённость, почти болезнь, туман в голове, полная дезориентация.

И я знала, что это не из-за потери туфель.

Не могла в себе разобраться.

Просто было паршиво, как в начале болезни.

В доме гуру, у порога, стояло много обуви, но моих туфель, разумеется, не было.

Кто-то или что-то подтолкнуло меня заглянуть внутрь комнаты.
На этот раз там действительно было полно народу.
Ко мне тут же подошла его личная докторша, высокая немка, и
предложила мне сесть в проходе.
Мне вообще не хотелось там оставаться, внутри себя я «убегала» отсюда.
Но поскольку вокруг гуру всегда царит атмосфера благоговения, мой
отказ прозвучал бы как вызов.
Подобное приглашение считается честью.
У меня сейчас нет сил, пороку и воинственности бросить вызов.
Ощущение было такое, будто у меня внутри всё выгорело: бессилие и
пустота, высосанность.

Я ищу гадалку и мою пропавшую обувь.
Мне нужно было, чтобы кто-то мне объяснил: что со мной происходит?
Со мной что-то случилось!
Сидеть здесь мне не хотелось.
Что-то просто гнало меня из этого дома.

Я на какое-то время замерла, наблюдая и не зная, как относиться к тому,
что происходит у меня внутри.
Сама обалдела от той внутренней энергии, которая просто гнала,
выталкивала меня прочь.
Но уже было поздно.

Меня посадили.
Для меня нашли место.
Я как-то вся обмякла.
Чувствовала себя больной.
Я сдалась.

Мы долго ждали гуру.
Нам поставили кассету с индийской музыкой.
Так странно я себя никогда не ощущала!
Я была здесь абсолютно не в струе, чужая, посторонняя.
И это после вчерашнего короткого «озарения»!
Сижу раздражённая, подавленная, почти больная, и нет любви во мне.
«Новая я».

Появился гуру.
Все встали.
Мне досталось место в проходе.
Он пристально и долго посмотрел мне в глаза.
Сел на свой стул.
Нам объявили, что мы получим прасад от гуру (индийские сладости), и
после этого встреча окончена.

После прасада все стали подходить к гуру прощаться.
Я тоже подошла попрощаться.
Мне не терпелось уйти.

Гуру посмотрел на меня и сказал:
«Останься. Я хочу поговорить с тобой».
Мне пришлось остаться.
Может, этот разговор прояснит, что со мной?

Сейчас у меня не было воли, сил и доверия к тому, что шептала мне интуиция.
Меня слегка знобило.
Остальные дисайплы смотрели на меня с завистью:
«Счастливица!»

Я улыбнулась, но внутри было странное чувство:
ум говорит: «Это хорошо, что он — просветлённый, уделяет мне столько внимания», а в то же время ужасно хочется уйти, причём немедленно!
Бежать!
Годы, проведённые в Индии с разными «просветлёнными» гуру, отучили меня слушать мой внутренний голос, доверять ему и следовать его подсказкам.
Это — самое разрушительное, что сделала со мной «сдача своего "я" у лотосовых ног просветлённого».
Нас осталось совсем немного в комнате.
Только те, кто был приглашён на обед.
«Избранные».
Мне даже есть не хотелось.
Принесли блюда.
Каждому дали тарелку с едой.
Мне ещё никогда не было так невкусно.
Гуру ел рукой, по-индийски, именно так, как моя брезгливая природа не может видеть.
От этого зрелища у меня всегда пропадает аппетит.
Я стала есть и обнаружила в своей тарелке волос!

Подумала:
Это уже знак.

Стало противно.
Обед в доме гуру — это прасад, то есть — благословение.
По традиции прасад нельзя недоедать и нельзя выбрасывать.
Некоторые из присутствующих вылизывают тарелки до идеальной чистоты языком, «поглощают благословение до капли», так сказать.

Тарелка, к счастью, была широкая, и я стала делать вид, что ем с другого края.

Преодолевая отвращение и не зная, как поступить, я делала вид, что жую. В этой «священной» тишине объявить, что в «освящённой пище» — волосина?

Дурацкая ситуация!

Вспомнилось, как мой отчим, обнаружив в тарелке волос, отодвинул блюдо и спокойно сказал нашей домработнице: «Благодарю, но в следующий раз волосы подавайте на отдельной тарелке!»

В комнате стоит благоговейная тишина.

Все «причащаются» через еду к «божественному гуру», а я с трудом сдерживаю тошноту.

Не хватает духу выкрикнуть:

«У меня волос в тарелке!»

Голова побаливает и в тумане.

Окружающие, позвякивая ложками, сосредоточенно лопают.

Малюсенький кусочек с другого конца тарелки, далеко от волоса, я осторожно положила в рот.

И в это время гуру пристально посмотрел, даже — уставился на меня.

И вместе с этим кусочком я проглотила его взгляд — «приправу».

У меня в горле, в желудке, во всём нутре всё запылало.

Как будто я глотнула чистого спирта или проглотила столовую ложку чили.

Острой приправы у меня на тарелке не было!

Во рту не было никакого вкуса острой пищи, только внутри, в груди, в желудке — всё жгло.

Я закрыла глаза, чувствуя себя пьяной.

Затем принесли ещё рис и какую-то подливу.

Я отказалась и отдала то, что оставалось на тарелке, вместе с волосиной.

Голова кружилась, трудно было открыть глаза, да и не хотелось.

Внутри жгло.

Потом мы все разошлись.

Слова гуру о том, что он «хочет со мной поговорить», видимо, были просто поводом не дать мне уйти.

Зачем?

Мелькнула мысль о чёрных колдунах.

Я опять побежала в Сатсанг Хауз, но таро-гадалки нигде не было.

Окружающие были со мной удивительно недружелюбны.

Да мне и не хотелось никого видеть, кроме гадалки.

Хотелось спрятаться.

Проходя мимо зеркала, я мельком глянула на себя.

У меня, как мне показалось, было страшное лицо.

Я ушла домой.

Дома я стала думать, что же это было?

Если бы не мои туфли, не пошла бы я сегодня в дом «святого».

Сидела бы себе дома весь день.

Сама бы себе гадала или медитировала, или нашла бы себе кого-нибудь, чтобы погадали и хоть немного прояснили, что происходит.

Что гонит меня из дома, в котором живёт всеми признанный «просветлённый гуру», к которому здесь все мечтают попасть?

Что за сила пытается увести меня от «святого», который, по идее, мой помощник и спаситель?

Который сам утверждает, что он здесь для того, чтобы «указать нам путь к свету»?

Почему мне от него и всего, что вокруг него происходит, так паршиво?

Как к этому относиться?

Как к акту какого-то целительства или акту наведения порчи?

То, что все вокруг благоговели, поклонялись и даже считали, что просветлели в его присутствии, — сбивало с толку.

Это со мной что-то не так или со всеми остальными?

Кому верить: своему дикому опыту или убеждённости большинства?

Кроме меня, похоже, здесь ни с кем ничего подобного не происходит!

Ведь если посмотреть на факты:

подмена тапочек, волосы на тарелке, моё самочувствие, какая-то зомбированность, опустошённость...

А взгляд гуру, проглоченный с пищей, от которого внутри жжёт и голова в тумане, — тоже может навести не на самые светлые мысли.

Так всё-таки, что же это было?

Учитывая мои денежные, паспортные и визовые проблемы (виза у меня была фальшивая), мне ничего не остаётся, как пока сидеть здесь...

У «лотосовых ног».